

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

ТЕЙМЕН ПРОНК

Славянские существительные *и*-склонения и их акцентуация¹

Хорошо известно, что индоевропейские существительные с основой на *-и*- в славянских языках почти полностью совпали с *о*-основами мужского рода. Поскольку ни в одном славянском языке не сохранилось чёткого разделения на эти два типа, невозможно точно определить, какое слово принадлежало к какому классу исходно. Изучение совпадения *о*- и *и*-основ традиционно концентрировалось на вопросе, какие существительные первоначально принадлежали к *и*-основам. Невысказанное допущение заключалось в том, что *о*-основы были значительно более многочисленными к моменту слияния. Общепринято, что следующие шесть существительных изначально были *и*-основами, но в отношении всех остальных существительных консенсуса нет (Эккерт 1963, Janda 1996а, Орг 1996):

domъ, synъ, volъ, polъ, vrxъ, medъ.

В литературе используется несколько критериев определения принадлежности к *и*-основам:

(1) сохранение набора неамбивалентных окончаний *и*-склонения в древнейших памятниках: ст.-сл. *сынъ, домъ, врхъ, полъ, волъ*, возможно также (засвидетельствовано две или более форм *и*-склонения, исключая *dat. pl.* и *gen. pl.*) *чинъ, родъ, даръ, миръ, рѣдъ, станъ, оудъ* (Diels 1932: 154–158); др.-чеш. *čín, dóm, jíl, led, pol, sad* (ср. ст.-сл. *nom. pl. садѡѡѡ*), *stan, syn, vól, vrch*, возможно также (засвидетельствованы варианты *и*- и *о*-склонения) *dar, dub* (ср. ст.-сл. *loc. sg. джвоуѡ, mir, hlad, sled, bor* (Gebauer 1896: 325–334); др.-рус. и рус.-церк.-слав. *кѡврѡ/вокрѡ*,

¹ Эта статья посвящена памяти Владимира Антоновича Дыбо. Хотя её выводы противоречат некоторым утверждениям Московской акцентологической школы, статья была бы невозможна без того огромного вклада, который Владимир Антонович Дыбо и его московские коллеги внесли в изучение славянской исторической акцентологии за последние 60 лет. Я очень благодарен Михаилу Николаевичу Саенко за перевод этой статьи на русский язык и за его ценные замечания по предыдущему варианту статьи. Часть этой статьи была написана в рамках проекта «Lingvistička geografija Hrvatske u europskome okružju (LinGeH)» Задарского университета и Хорватской академии наук, финансируемого Хорватским научным фондом (HRZZ 3688).

коръ, върхъ, даръ, домъ, дългъ (ср. ст.-сл. gen.sg. длъгоу), медъ, лиръ, полъ, радъ, солодъ, станъ, сынъ, търъгъ, чинъ (Эккерт 1963, Зализняк 2004: 112–113). Ср. также ст.-сл. gen.sg. падоу, долоу, медоу = др.-чеш. gen.sg. *jědu, dolu, medu*;

(2) наличие в языке окончания *и*-склонения в том же падеже (с диакронной точки зрения), где обычно используется исконное окончание *о*-склонения. Например, рус. loc.sg. -у вместо -е или слвн. gen.sg. -и вместо -а;

(3) устойчивые выражения или наречия, содержащие окончание *и*-склонения. Например, в русском *свѣрху, ѓз дому, ѓтроду и бѣз толку*;

(4) дериваты, содержащие элемент -*ov*- или -*v*-, например, суффикс -*ovitъ* (Vaillant 1974: 469);

(5) когнатные *и*-основы вне славянских языков;

(6) финно-угорские заимствования с аусллаутом на -*u/i* (Николаев, Хелимский 1990). Таковыми являются рефлексы рус. *ад, боб, вар, *воробъ, дух, лад, мил (?), мир, пар, пир, рай, род, ряд, сак, сноп, толк, торг* (заимствованное также в лит. *tuĩgus*), *ход, чай* и *шѣлк* (Николаев, Хелимский 1990). К ним можно добавить карел. *druugi* 'друг', *ĉoasu* 'час' и *sadu* 'сад' (Mikkola 1894: 73). Остальные русские существительные мужского рода, будучи заимствованными из русского, в финском заканчиваются на -*i* или -*a*. Среди слов, заканчивающихся на -*и* в финском, русские *лад, мир, пир, род, ряд, толк, торг, шѣлк* и *сад* относились к старым *и*-основам также и на других основаниях (ср. Огг 1996);

(7) акцентологические соображения. Например, праслав. **ladъ, *ragъ* и **varъ* относились к старым *и*-основам в связи с их акцентуацией (Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 60; Николаев, Хелимский 1990: 42).

Теперь кратко оценим значимость вышеперечисленных критериев. Первый критерий надёжен, но зачастую не позволяет сделать однозначного заключения в связи с отсутствием (почти) полностью засвидетельствованных парадигм в древнейших текстах. Второй и третий критерии также надёжны, но в некоторых языках ряд окончаний *и*-склонения был продуктивен (см. ниже). Таким образом, второй критерий потенциально значим только тогда, когда в двух несмежных языках присутствует рецессивное окончание *и*-склонения. С другой стороны, в устойчивых выражениях и словосложениях форма *и*-склонения может предшествовать общеславянскому состоянию. Например, наличие -*v*- в *medvĕdъ* 'медведь' < **medu-ĕd-* показывает только то, что слово **medъ* 'мѣд' было *и*-основой в некоторый момент истории, а не то, что так было в позднеобщеславянский период. То, что оно

действительно было *и*-основой в общеславянскую эпоху доказываются ген. sg. *medi* в старославянском, древнечешском, древнерусском и словенском в соответствии со вторым критерием. Схожим образом русские наречия *долѡй* и *домѡй* были застывшими формами уже в позднеобщеславянский период, отражая допраславянский *и*-основный dat. sg. **dalaꙋi* и **damaꙋi*. Четвёртый критерий до некоторой степени валиден, но им следует пользоваться с осторожностью, поскольку суффикс *-ov-* был продуктивен². Пятый критерий не даёт ответа на вопрос, было ли существительное *и*-основой в праславянский период. Шестой критерий сомнителен, поскольку нельзя исключать, что в некоторых случаях базой для заимствования служила форма винительного падежа *о*-основ на **-и* (др.-рус. *-ѣ*). Седьмой критерий – акцентологические свидетельства *и*-основности – будет главной темой данной статьи. В целом исходный тип склонения праславянского существительного мужского рода может быть определён, только когда учитываются и как минимум несколько из вышеперечисленных критериев, и продуктивность моделей в отдельных языках.

Слияние *о*- и *и*-склонений

Основой для слияния *и*- и *о*-склонений был тот факт, что окончания винительного падежа единственного числа **-и* и винительного множественного **-ѣ* в обеих парадигмах в некоторый момент времени совпали. Окончания винительного падежа единственного числа совпали на ранней стадии, вероятно, уже в прабалтославянскую эпоху (Kortlandt 2011: 43). Совпадение в винительном падеже множественного числа произошло на значительно более поздней стадии в связи с уже собственно славянскими изменениями (Kortlandt 2011: 103–106). Следующим шагом в совпадении *и*- и *о*-основ было замещение окончания **-ѣ* звательного падежа единственного числа *jo*-основ окончанием *и*-основ *-и* во всех славянских языках, возможно, за исключением древненовгородского диалекта (Vermeer 1991: 281; 1994). Причиной замещения был тот факт, что именительный и звательный падежи *jo*-основ совпали в результате аккомодации окончания nom. sg. **-a* после

² Помимо продуктивных суффиксов существуют также случаи явных ложных архаизмов, возникших по аналогии, ср., например, ст.-сл. *листвѣне* ‘листва’, где *-в-* было перенесено из *вѣтвѣне* ‘ветви’ и не доказывает, что *листвѣ* ‘лист’ был *и*-основой. Эккерт (Эккерт 1963: 70–71) перечисляет ряд других форм и дериватов этого слова, которые можно было бы считать свидетельством *и*-основности, но явных архаизмов среди них нет.

предшествующего *-j-. Поскольку в других парадигмах эти формы не совпадали, *jo*-основы заимствовали в звательном падеже окончание у *u*-основ: ном./вос. *kabnjä >> ном. *kabnjä, вос. *kabnjäu (ст.-сл. коню). Второй инновацией, также затрагивающей большинство славянских идиомов, кроме древненовгородского, было замещение окончаний именительного падежа ед. ч. *-а у *o*-основ и *-ä у *jo*-основ окончанием *-и из *u*-склонения для того, чтобы избежать совпадения с окончаниями ном.sg. основ среднего рода *-а и *-ä³. Перенесение в ном.sg. (*j*)*o*-основ окончания из *u*-склонения и возникшая в результате этого в единственном числе омонимия форм именительного и винительного падежей очевидно была причиной возникновения категории одушевлённости в славянских языках (Krys'ko 2014: 1597). К концу общеславянского периода парадигмы *o*- и *u*-основ различались в большинстве падежей в большей части славянских диалектов:

Таблица 1. Праславянские окончания *o*-, *jo*- и *u*-склонений

ед. ч.	<i>o</i> -основы	<i>jo</i> -основы	<i>u</i> -основы
именительный	-ь	-ь	-ь
родительный	-а	-а	-и
дательный	-и	-и	-ови
винительный	-ь	-ь	-ь
местный	-ě	-i	-и
творительный	-оть	-еть	-ьть
звательный	-е	-и	-и
дв. ч.			
именительный/ винительный	-а	-а	-у
родительный/ местный	-и	-и	-ови
дательный/ творительный	-ота	-ета	-ьта

³ Аналогическое замещение окончания *-а не затронуло славянские личные имена типа рус. *Садко* (ср. Vermeer 2015). Мысль, что номинативное окончание -ь является регулярным продолжением п.-и.-е. *-os, в последнее время защищаемая Оландером (Olander 2012), не может быть верна. Регулярный рефлекс *-os виден в окончании ном. acc. sg. -o < *-os *s*-основ, например, *nebo. Это окончание вряд ли могло быть перенесено по аналогии из *o*-склонения среднего рода, поскольку в этом случае, следовало бы ожидать в ном. acc. sg. форму *nebeso (Hujer 1910: 35).

мн. ч.	<i>о</i> -основы	<i>јо</i> -основы	<i>и</i> -основы
именительный	- <i>і</i>	- <i>і</i>	- <i>ове</i>
родительный	- <i>ь</i>	- <i>ь</i>	- <i>овь</i>
дательный	- <i>оть</i>	- <i>еть</i>	- <i>ьть</i>
винительный	- <i>у</i>	- <i>ѣ/-ѣ</i>	- <i>у</i>
местный	- <i>ѣхъ</i>	- <i>іхъ</i>	- <i>ьхъ</i>
творительный	- <i>у</i>	- <i>і</i>	- <i>ьті</i>

Однако когда праславянский стал распадаться, ситуация быстро изменилась. В отдельных славянских языках процесс слияния продолжился и дал результат в виде парадигм, совмещающих окончания *о*- и *и*-склонений.

Сосуществование окончаний *о*- и *и*-основ

Иногда окончания *о*- и *и*-склонений сохраняются наряду друг с другом. В таких случаях между окончаниями существует либо функциональная разница, либо лексическое распределение. В литературном русском окончании родительного падежа ед. ч. *и*-основ *-у* функционально отличается от окончания *о*-основ *-а*: первому присуще партитивное значение (*много сáхару*), а второе функционирует как обычное генитивное окончание (*вместо сáхара*). В польском и чешском окончании *-и* преобладает у неодушевлённых существительных (*grodu, hradu*), в то время как одушевлённые тяготеют к исходному окончанию *о*-склонения *-а* (*syna*). В некоторых случаях использование *о*- или *и*-окончания служит для того, чтобы избежать омонимии, например, нижнелужицкий *k Bogu* ‘к Богу’, *k bogovi* ‘к Рождеству’.

Когда оба окончания сосуществуют без функционального различия, одно из двух становится доминантным как, например, польское окончание дательного падежа единственного числа *-owi*, которое вытеснило исконное окончание *о*-склонения *-и* повсеместно, кроме нескольких существительных (например, *psu* ‘собаке’, *bratu* ‘брату’). Часто возникает семантическое различие между доминантным и рессивным окончаниями. Например, в чешском большинство одушевлённых существительных может принимать окончание дательного падежа единственного числа *-ovi*, пришедшее из *и*-склонения (*psovi, bratrovi*). Моделью, согласно которой распространилось это окончание, по-видимому, было слово **synъ*, dat. **synovi* ‘сыну’. Слово *сын*, вероятно, также было моделью для русских диалектных генитивных

форм *без отцú* и *от брáту*, а также польских форм. nom.pl. *ojcowie* ‘отцы’, *wujowie* ‘дядья’, *meżowie* ‘мужья’ и *panowie* ‘господа’⁴.

Во многих славянских языках было обобщено окончание родительного падежа множественного числа *и*-склонения *-ov*, хотя существует и небольшая группа существительных, имеющих нулевое окончание, которое восходит к *о*-склонению. Существительные с нулевым окончанием обычно принадлежат к семантически ограниченным подгруппам (Nahtigal 1952: 212–213). В русском сюда относятся единицы измерения, например, *аршин*, люди, относящиеся к определённым (этническим, религиозным, социальным и т. д.) группам, например, *россиян*, *солдат*, и названия обуви, например, *ботинок*. Все перечисленные примеры пополнили лексику русского языка сравнительно недавно, что прекрасно иллюстрирует, как угасающая морфологическая категория может пополняться новыми членами, если они входят в некоторую семантическую группу или если они соответствуют неким морфонологическим критериям (ср. Janda 1996b). Примером последнего являются окончания *и*-склонения, ставшие продуктивными у существительных с основой, заканчивающейся на велярный согласный, что позволило избежать чередований, вызванных второй палатализацией (Nahtigal 1952: 206–207), например, рус. loc.sg. *полкú* вместо др.-рус. *полцъ*, *мху* вместо *тъсѣ; в чеш. loc.sg. *člověku* вместо др.-чеш. *czlowieczie*, *prahu* вместо *prazie*; в польском voc.sg. *duchu* вместо *dusze, *człowieku* вместо *człowiecze, *wrogu* вместо *wroże; в словенском nom.pl. *volkôvi* ‘волки’ вместо *volci, *rogôvi* ‘рога’ вместо *rozi и т. д.

Распределения, обусловленные акцентуацией

Продуктивность *о*-окончаний и *и*-окончаний была в некоторых случаях связана с акцентуацией того или иного существительного. В общем случае *и*-окончания чаще обнаруживаются у существительных с подвижной акцентуацией.

В словенском окончания *и*-склонения gen.sg. *-и* и nom.pl. *-ovi* продуктивны у существительных с односложным корнем и подвижной акцентуацией (Ramovš 1952: 38, 53–54, Nahtigal 1952: 208). Хорошим примером такого существительного является *grâd* ‘замок’, gen.sg. *gradû* (но *od grâda*), nom.pl. *gradôvi*, для которого нет никаких (других) свидетельств, что это могла быть старая *и*-основа. Окончание nom.pl.

⁴ См. (Janda 1996a) о роли одушевлённости в распределении окончаний *и*-склонения.

-*ovi* распространялось и далее, сперва на другие существительные с долгим нисходящим ударением на корне, например, *větar, vetrōvi* ‘ветер’ (Šekli 2003: 34), а потом и на некоторые основы с кратким гласным, например, *mrāz, mrazōvi* (также *mrāzi*) ‘мороз’, *prāg, pragōvi* (также *prāgi*) ‘порог’, *grōb, grobōvi* (также *grōbi*) ‘могила’, по-видимому, по аналогии с *vōl, volōvi* ‘вол’ (Šekli 2003: 33, 39)⁵.

В хорватском окончание именительного падежа множественного числа -*ovi* сперва распространилось на существительные с одноложным корнем и подвижной акцентуацией (акцентная парадигма *c*, например, *grādovi*, но в *i*-склонении *gōsti, dāni*), затем на существительные с преобладающим наконечным окончанием (акцентная парадигма *b*, например, *grōbovi, križevi*, ср. также в *i*-склонении *pūtevi/pūtovi/pūti*) и наконец на существительные с фиксированным наосновным ударением (акцентная парадигма *a*, например, *rākovi*, ранее *rāci*)⁶. Некоторые частотные существительные избегают введения -*ov-* во множественном числе, например, *kōnji* (а. п. *b*) и *zūbi* (а. п. *c*). Конечный веларный согласный основы, который подвергся палатализации в *nom.pl. o*-склонения, по-видимому, способствовал сохранению окончания *o*-склонения, например, *vūci/vūkovi*, и даже заимствованию его *u*-основой *vřhovi/vřsi*. Форма *vřsi* распространена в диалектах, например в Дубровнике и на островах Вргада и Сусак.

В русском так называемый «второй предложный» на -*у́*, отражающий *loc.sg. u*-склонения, ограничен существительными с исходной подвижной акцентуацией (а. п. *c*, например, в *godу́*) и существительными с наосновным ударением в единственном числе и наконечным ударением во множественном (например, на *верху́*). Последний тип, тип *цвет – цветы́*, также отражает изначально акцентно подвижные существительные, но как именно он возник, остаётся дискуссионным вопросом. Долгое время признавалось, что этот тип связан с акцентно подвижными существительными *u*-склонения (Nachtigall 1922: 146, Шахматов 1941: 142, Stang 1957: 79–80, Иллич-Свитыч 1963: 143–144), хотя он содержит и несколько *u*-основ, которые, вероятно, принадле-

⁵ Сюда также относится *tōp, pl. topōvi* ‘пушка’, конечным источником которого является турецкое *top*. Это слово было заимствовано через хорватское посредство вместе с регулярной хорватской формой множественного числа *tōpovi*. Акцентуация множественного числа в словенском построена по аналогии к существующим формам множественного числа на -*ovi*.

⁶ В старославянских рукописях распространение окончаний множественного числа *u*-склонения, по-видимому, также ограничено существительными, принадлежащими к акцентным парадигмам *b* и *c* (Nahtigal 1952: 209).

жали к а. п. *b*, см. *верх* и *бор*. Если посмотреть на формы акцентованных рукописей XVI и XVII вв., изученных А. А. Зализняком (1985: 263–265), оказывается, что в то время как обычен был ном.асс.пл. с инициальным ударением (*цвѣты*, *гѣроды*), старые *и*-основы выделяются конечным ударением во множественном числе, например, *сыны*, *домы* и *мости* (старая *и*-основа, ср. др.-рус. с *мостоу* (ПВЛ), к *мостови*, слвн. gen.sg. *mostû*, ном.pl. *mostôvi*). Станг (Stang 1957: 77–82) предположил, что русский подвижный тип с конечным ударением во множественном числе отражает акцентуацию *и*-основ, принадлежащих к а. п. *b*, например, *верх*, и что он подвергся влиянию счётной формы на *-á*, пришедшей из *о*-склонения. Нахтигал и Шахматов (op. cit.) утверждали, что конечное ударение в ном.-асс.ду. подвижных *и*-основ (*сыны*) сыграло роль в распространении конечного ударения точно так же, как окончание того же падежа *о*-склонения *-á* стало продуктивным у подвижных *о*-основ. Эти сценарии не исключают друг друга. Ещё одним фактором, который без сомнения поспособствовал обобщению конечного ударения во множественном числе, является продуктивность окончания родительного падежа множественного числа *-ôv*, которое вытеснило старое нулевое окончание *о*-склонения, сопровождавшееся наосновным ударением. Было несколько форм в разных парадигмах, которые сформировали основу парадигмы с конечным ударением во множественном числе. Следующие русские существительные с окситонным множественным числом считались *и*-основами на неакцентологических основаниях: *чины*, *верхи*, *сады*, *торги*, *меды*, *боры*, *ряды*, *полю*, *миры*, *дары*, *сыны*, *яды*, *пиры*, *лады*, *носы*, *низы*. Первые семь из них засвидетельствованы с конечным ударением уже в источниках XVII в. (Зализняк 2011, s.vv.). Ср. также окситонные *шелка* и *пары*, соответствующие заимствованным финскому диалектному *sulkki* и водскому *pāru*, а также более старую русскую форму *станы* (сейчас *станы*), соответствующую *и*-основе в старославянском, древнечешском и древнерусском⁷. Дыбо, Замятина и Никола-

⁷ Схожим образом русское *рай* демонстрирует варьирование между инициальным и финальным ударением в древнейших текстах (Зализняк 2011: 79). Рус. loc.sg. в *раю* предположительно может подтверждать, что это слово ранее было *и*-основой. Этот частный пример отчётливо показывает сложности такой аргументации: старейшие русские формы с конечным ударением вроде gen.sg. *рая* могут основываться на частотном локативе в *раю*, что сводит доказательства *и*-основности этого слова в общеславянский период к этому локативу. В свою очередь его ценность умалывает тот факт, что в древнерусских текстах мы находим loc.sg. *раи* вместо *раю* (Срезневский 1912: 62 и далее).

ев (1993: 132) предложили другое решение для форм типа *цветы́*. Они предположили, что этот тип отражает распространение акцентуации *и*-основ, принадлежавших к акцентной парадигме *d* в праславянском. Эта идея основана на признании существования в праславянском такого акцентного типа, что, как мы увидим ниже, остаётся под вопросом.

Акцентная парадигма *d*

Акцентная парадигма *d* (а. п. *d*) – это праславянская акцентная парадигма, выделенная в работах Булатовой, Дыбо и Николаева (1988: 49–60) а также Дыбо, Замятиной и Николаева (1990: 129–154), чтобы объяснить некоторые существительные, у которых засвидетельствованы формы, совмещающие ударение парадигм *b* и *c*. Существование такой парадигмы основывается на наблюдениях Иллич-Свитыча (1963: 119) над акцентуацией некоторых *о*-основ в хорватских говорах острова Сусак и северо-восточной Истрии.

Таблица 2. АКЦЕНТНЫЕ ПАРАДИГМЫ *b*, *c* и *d* у СЛАВЯНСКИХ *о*-ОСНОВ

	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>	а. п. <i>d</i>
nom. sg.	<i>gròbъ</i>	<i>ròdъ</i>	<i>rògъ</i>
gen. sg.	<i>gròbà</i>	<i>ròda</i>	<i>rogà</i>
nom. pl.	<i>gròbi</i>	<i>ròdi</i>	<i>rodzi</i>

С исторической точки зрения слова, относимые к а. п. *d*, были баритонированными существительными мужского рода с неаккутированным так называемым доминантным корнем. Окситонированные существительные развились в а. п. *c*, так же как баритонированные существительные мужского рода с так называемым рецессивным корнем. А. п. *b* включает в себя старые существительные среднего рода. Это распределение распространялось как на *о*-, так и на *и*-основы (Николаев 2012: 49–50). Николаев (2012: 40–41) приводит **stânъ*, **vâlъ* и **žírъ* в качестве примеров а. п. *d* *и*-склонения. Предполагается, что в gen. sg. эти существительные несли долгий новый акцент на корневом слоге: **stānu* и т. д., что дало долготу в чеш. *stán*, *vál* и *žír* (наряду со *stan* и *val*). Утверждается, что а. п. *d* формировала отдельный класс в рамках *и*-склонения и согласных основ (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 131). В данной работе мы этого вопроса касаться не будем.

Данные, приводимые в пользу реконструкции а. п. *d* для *о*- и *и*-основ, в основном происходят из восточнославянских языков, чакавских

диалектов хорватского и косовско-ресавского диалекта сербского. Во всех прочих идиомах существительные, относимые к а.п. *d*, развиваются так же, как принадлежащие к а.п. *c*. Реконструкция отдельной а.п. *d* не была принята без возражений (Vermeer 2009; Langston 2007). Критика касалась трактовки первичных данных, тенденции проецировать каждое чередование, обнаруживающееся в современных диалектах, на праславянский уровень (или даже праиндоевропейский) и тёмного в фонетическом отношении происхождения а.п. *d*. Реконструкция а.п. *d* не получила широкого признания за пределами России. Исключениями являются Шрагер (Shrager 2011) и Шаллерт (Schallert 2014). Следующая цитата, по-видимому, выражает общее мнение:

а.п. *d*, возможно, лучше следует рассматривать как группу существительных, которые иногда относятся к а.п. *b*, иногда к а.п. *c*, а иногда к смешанной а.п., чем как действительно отдельную акцентную парадигму (Karović 2006: 164, сноска 6)⁸.

В свете произведённых выше наблюдений над *u*-склонением, мы бы хотели выдвинуть утверждение, что восточнославянские явления, приписываемые а.п. *d*, следует рассматривать скорее как рефлексy акцентуации *u*-склонения. Эта возможность была упомянута и отвергнута Шрагер (Shrager 2007: 159), поскольку количество *u*-основ среди потенциальных существительных а.п. *d* якобы слишком мало⁹. Однако в морфологии численное превосходство *o*-основ не помешало *u*-основам оставить заметный след в парадигмах существительных мужского рода во всех славянских языках. Более того, как мы увидим далее, значительное количество существительных, относимых к а.п. *d*, вероятно, являются бывшими *u*-основами.

Преимущество гипотезы, что мы имеем дело со следами акцентуации *u*-основ, заключается в объяснении того, почему в восточнославянских диалектах мы находим не однозначные рефлексy единого набора существительных, принадлежавших к а.п. *d*, а скорее смешанные пара-

⁸ «...n. se p. *d* možda radije treba smatrati skupom imenica koje negdje pripadaju n. p. *b*, negdje n. p. *c*, a negdje miješanoj n. p., nego pravom zasebnom naglasnom paradigmom».

⁹ Кортландт (Kortlandt 2007: 232), комментируя работу Лэнгстона (Langston 2007) о а.п. *d* в чакавском, предположил, что распространение окончательного ударения в подвижной парадигме, вероятно, началось с формы gen. sg. *u*-основ («spread of final stress in the mobile accent paradigm probably started from the gen. sg. form of the *u*-stems»). Хотя мы не уверены, что окончание в gen. sg. *u*-основ действительно было ударным (см. сноску 10 ниже), мы полагаем, что сама идея, что некоторые формы с окончательным ударением в конечном итоге отражают акцентуацию *u*-склонения, верна.

дигмы, которые, как доказывалось ранее, возникли в результате взаимовлияния *o*- и *u*-основ, принадлежащих к а. п. *c* и *d* (Shrager 2007: 155).

Далее мы постараемся показать, что акцентные схемы, считающиеся доказательством существования а. п. *d*, могут быть объяснены с опорой на общеславянские *o*- и *u*-основы, принадлежавшие исключительно к а. п. *b* и *c* (таблица 3), либо как непосредственные рефлексy одной из этих парадигм, либо как результат действия аналогии.

Таблица 3. АКЦЕНТУАЦИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ *o*- и *u*-ОСНОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К А. П. *b* И *c*

	<i>o</i> -ОСНОВЫ		<i>u</i> -ОСНОВЫ	
	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>
nom. sg.	<i>gròbъ</i>	<i>ròdъ</i>	<i>vòlъ</i>	<i>mòstъ</i>
gen. sg.	<i>gròbà</i>	<i>ròda</i>	<i>volù</i>	<i>mòstu</i> ¹⁰
loc. sg.	<i>gròbě</i>	<i>ròdě</i>	<i>vòlu</i>	<i>mostù</i> ¹¹
ins. sg.	<i>gròbòть</i>	<i>ròdomъ</i>	<i>volъть</i>	<i>mostъmb</i> ¹²
nom. pl.	<i>gròbì</i>	<i>ròdi</i>	<i>volòve</i>	<i>mòstove</i>

¹⁰ Соответствующее литовское окончание *-aùs* ударно в подвижной парадигме, но славянские данные по большей части указывают на корневое ударение (Stang 1957: 81). Кажется, в этом случае родительный падеж единственного числа переял акцентуацию nom. acc. sg. и dat. sg., отражая схему, обнаруживаемую у *o*-основ. Нельзя исключать, что некоторые русские диалектные формы с ударным окончанием типа *cadú* отражают архаизм, но нам кажется более вероятным, что они возникли вторично из счётной формы с наконечным ударением, либо отражают наконечное ударение nom. acc. du. Это подтверждается тем фактом, что существительные вроде *мед* и *лед*, у которых счётная форма не может быть частотной по семантическим причинам, почти всегда засвидетельствованы с баритонным gen. sg. в данных Николаева (2012: 95–96).

¹¹ Краткий гласный засвидетельствован, например, в слов. *nòsu*, серб., хорв. *nòsu*. Долгое окончание следует реконструировать с учётом словинского *-ù* и нового циркумфлекса у словенских существительных, относящихся к а. п. *a*, например, *na pràgu* ‘на пороге’ и нового акута у *na kònju* ‘на коне’ (Kortlandt 2021: 221). Славянское наконечное ударение у существительных подвижной парадигмы соответствует литовскому *pusiaù* ‘пополам’.

¹² Первоначально **mostъmb*. Частотность ударного *-óm* в русских памятниках указывает на **mostъmb*. Также это может быть фонетическим рефлексом **mostъmb* (Stang 1964), несмотря на то, что Kortlandt (2011: 19) прав, когда утверждает, что в последовательностях вида **mostъmb* ударение регулярно оттягивалось на предпоследний слог, что позволяет объяснить ассент акцентуацию рус. dat. pl. *déтям*, loc. pl. *déтях* << **détъmb*, **détъxъ*, которые сложно было бы объяснить иначе. В этом случае наконечное ударение в ins. sg. *-óm* не может быть старым и, по-видимому, объясняется аналогией к локативу *mostú*.

Релевантные восточнославянские данные из псковско-полоцких и карпатских украинских диалектов подробно проанализированы Николаевым (2012: 93–165). Великолепная подборка, сделанная им, послужит основой для последующей дискуссии. В рассматриваемых диалектах с как баритонными, так и окситонными формами в единственном числе засвидетельствованы следующие существительные: *род, дар, дуб, мир, вар, знак, бок, бор, брод, гроб, мозг, нос, плот, рог, стог, воз, зоб, брус, круг, цвет, луг, ряд, след, снег, сук, стан, вал, век, верх, зуб, жар*¹³. Из них шестнадцать слов имеют в других славянских идиомах когнаты, которые демонстрируют те или иные черты, ассоциируемые с *и*-основами: *род, дар, дуб, мир, вар, знак, бок, бор, нос, плот, ряд, след, стан, вал, верх, жар*. Из оставшихся пятнадцати у восьми корень оканчивается на велярный (*мозг, рог, стог, круг, луг, снег, сук, век*), что в некоторых других славянских идиомах является причиной вторичного усвоения черт *и*-основ¹⁴. Эти числа явственно свидетельствуют о том, что колебание между баритонными и окситонными формами вполне могло возникнуть как черта *и*-основ. Перейдём к тому, как могли возникнуть конкретные зафиксированные парадигмы. Следующие формы слов *сад* (которое Николаев реконструирует как а.п. *с*)¹⁵ и *рог* (которое Николаев реконструирует как а.п. *д*) являются репрезентативными для трёх основных типов парадигм, которые встречаются в карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах (мы стандартизировали запись гласных):

1. В некоторых говорах у ряда релевантных существительных в gen. sg. ударение на корне, а в ins. sg. на окончании: *сад*, gen. *сáду/а*, ins. *садо́м*; *рог*, gen. *ро́га*, ins. *рогóм*. В этом случае наконечное ударение *и*-основного ins. sg. было обобщено.

¹³ Ряд существительных относится к баритонному или окситонному типу, но демонстрирует маргинальные, нередко засвидетельствованные лишь однажды, формы иного типа: *ход, друг, дух, кал, квас, лес, луб, нях, раз, слух, струн, волок, пот, боров, череп, колос, короб, полоз, вечер* (наконечное ударение в ins., loc. sg., но не в gen. sg.), *терем, волос, жёлоб*. Мы не будем касаться этих слов в данной работе.

¹⁴ Ср. также современные русские loc. sg. *кругú, снегú и мозгú*, наречие *кругóм* с наконечным ударением, восходящим к *и*-склонению, а также древнюю фиксацию в Псковской первой летописи у *броду*. В случае *сук* Николаев следует за Илич-Свистычем (1963: 144), также реконструируя *и*-основу, что, как кажется, основывается исключительно на родстве с санскр. *śaṅkú-* ‘колышек’. Однако нет причины считать, что оба слова отражают один и тот же тематический гласный.

¹⁵ В более старой работе (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 130) **sādъ* реконструировалось как принадлежащее к а.п. *д*.

2. В некоторых говорах у релевантных существительных окончное ударение в единственном числе: *сад*, gen. *са́дý/á*, ins. *са́дом*; *рог*, gen. *рога́*, ins. *рога́м*. Это парадигма, которая, как предполагают, напрямую продолжает гипотетическую парадигму *d*. Однако формы с окончным ударением могут быть также результатом действия аналогического давления со стороны а.п. *b* для выравнивания окончного ударения, которое уже имелось в loc. и ins.sg. первоначальных *и*-основ. У существительных с исходным подвижным ударением окончное ударение могло сначала быть обобщено, как в литературном русском типе *цве́ты*.

3. В некоторых говорах у релевантных существительных ударение в единственном числе стоит на корне: *сад*, gen. *са́дý/a*, ins. *са́дом*; *рог*, gen. *ро́га*, ins. *ро́гом*. Эта модель продолжает исходную акцентуацию подвижных *о*-основ.

В одном говоре формы слова *сад*, приведённые Николаевым, по-видимому, демонстрируют смешанную парадигму: gen. *са́дý*, ins. *са́дом* (аналогичным образом, парадигмы *да́рý*, *да́ром* и *ми́рý*, *ми́ром* приводятся для единственного диалекта). Возможно, окончное ударение в gen.sg. вызвано влиянием счётной формы. В любом случае, эта парадигма отклоняется от реконструируемой а.п. *d*.

Несколько первоначальных *и*-основ с подвижной акцентуацией засвидетельствовано только или главным образом с баритонными формами родительного и творительного падежей единственного числа в псковско-полоцких и карапатских украинских данных, предоставленных Николаевым: *мед*, *лед*, *дом*, *мир* и *сын*¹⁶. Тот факт, что *мед* и *лед*¹⁷ не знают форм с окончным ударением, а у слова *мир* они есть только в очень небольшом количестве падежей, вероятно связан с тем, что эти существительные не имеют множественного числа и счётной формы. Слова *дом* и *сын* также засвидетельствованы главным образом с баритонным ударением. Однако это, вероятно, вторичный феномен, ср., по-видимому, архаичные формы *сын*, *сына́/сы́ну*, *сынóм*, pl. *сыны́* (Ручьи, Николаев 2012: 116) и старшие русские свидетельства вроде *домóм* и *в домы́* (Stang 1957: 77, Зализняк 2011: 234). Для слова

¹⁶ Возможно, также сюда относится слово *квас* (Николаев 2012: 104–105), но неясно, верно ли отнесение Николаевым этого существительного к первоначальным *и*-основам.

¹⁷ Кроме единственного свидетельства loc.sg. *ледý* (Николаев 2012: 95). Для этого слова Николаев даёт только два свидетельства локатива (второй отражает *lédě), так что неясно, в какой степени форма с окончным ударением является представителем более широко распространённого феномена.

дом может быть релевантным, что во всех девяти говорах, для которых Николаев даёт форму локатива (2012: 94), локатив имеет окончание *о*-склонения *-i* < *-ĕ. Это может указывать на то, конкретно это существительное рано перешло в *о*-склонение в данных говорах, что объясняет отсутствие *и*-основной акцентуации у других форм в парадигме. Следует отметить, что у этого существительного множественное число неокситонно и в литературном языке, вопреки тому, что ожидалось бы у старой *и*-основы (Stang 1957: 82). В случае слова *сын*, роль могла сыграть частотность баритонной формы дательного падежа единственного числа, как это произошло в южнославянских идиомах, где ударение *dat. sg.* было перенесено в *loc. sg. sĭnu*.

В качестве вывода следует сказать, что восточнославянские данные, проанализированные выше, говорят не в пользу реконструкции отдельной акцентуационной парадигмы *d* в праславянском, а скорее отражают акцентуации исходных *и*-основ. Теперь перейдём к тому, могут ли быть данные, приводимые в поддержку существования а.п. *d*, также проинтерпретированы как восходящие к *и*-основам.

Акцентуация *и*-основ в южнославянских языках

Во многих западных южнославянских говорах *и*-основное окончание *loc. sg. -u* было перенесено в *о*-склонение. В подвижных парадигмах это окончание было перенесено вместе с исходным наконечным ударением, замещая первоначальные формы *о*-склонения с безударным окончанием *-ĕ: *grādĕ (рус. *зóпoде*) → *grādŭ. Это наконечное ударение обнаруживается главным образом у неодушевлённых существительных: словн. *v grádu*, но *pri sĭnu* (Nahtigal 1952: 208), чак. (Сень) *brodŭ*, но *sĭnu* (Langston 2007: 128, Lukežić, Zubčić 2007: 86), новошток. *na bròdu*, но *pò mŭžu* (Karović 2006: 168). Одушевлённые формы отражают акцентуацию не локатива *о*-основ, а скорее датива, который, конечно, у одушевлённых существительных встречается чаще, чем локатив. Этот окситонный локатив, по-видимому, вызвал ряд аномалий в акцентуации западно-южнославянских *о*-основ. Среди них некоторые диалектные парадигмы, которые рассматривались как рефлексy предполагаемой праславянской а. п. *d*. Разница между а. п. *b*, *c* и тем, что относят к рефлексам парадигмы *d*, хорошо просматривается в чакавском диалекте города Сень (таблица 4).

Таблица 4. АКЦЕНТНЫЕ ПАРАДИГМЫ *o*-ОСНОВ МУЖСКОГО РОДА
В ЧАКАВСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕНЯ (Moguš 1966: 66–67)

	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>	«а. п. <i>d</i> »
nom. sg.	<i>põp</i>	<i>bròd</i>	<i>dròb</i>
gen. sg.	<i>popà</i>	<i>bròda</i>	<i>drobà</i>
dat. sg.	<i>popù</i>	<i>bròdu</i>	<i>dròbu</i>
loc. sg.	<i>popù</i>	<i>brodù</i>	<i>drobù</i>
ins. sg.	<i>popõn</i>	<i>bròdon</i>	<i>drobõn</i>
nom. pl.	<i>popì</i>	<i>bròdi</i>	<i>dròbi</i>
dat. loc. ins. pl.	<i>popîn</i>	<i>bròdin</i>	<i>drobîn</i>

Среди существительных, относящихся к типу *dròb* ‘внутренности’, Могуш называет *lõv* ‘охота’, *mòst* ‘мост’, *nòs* ‘нос’ и *pòst* ‘пост’¹⁸. Однако у всей небольшой группы существительных, принадлежащих к этому типу, в корне находится гласный *-o-*. Схожее разграничение трёх типов существительных с кратким гласным в корне постулировалось для диалекта острова Сусак, последней этой сделала Шрагер (Shrager 2011) на основе данных, полученных от эмигрантов с Сусака, живущих в Нью-Джерси. Однако её данные столь вариативны, что выделение трёх исходных парадигм в них кажется совершенно произвольным, ср. *põp*, gen. sg. *popà*; *pòst*, *põsta*; *dvõr*, *dvõra/dvorà* (отнесены к исходной а. п. *b*); *buõx*, *bõga*; *lõj*, *lõja*; *gnõj*, *gnõja* (а. п. *c*); *ruõx*, *rõya/royà*; *pluõt*, *plõt/plotà*; *plõt*, *plõda/plodà*; *yròb*, *yròba/yròbà*; *buõk/bòk*, *bokà* (а. п. *d*). Остальные падежные формы, в той степени, в которой они были записаны Шрагер, только добавляют вариативности. Очевидно, что на основе этих данных нельзя делать никаких выводов.

В других говорах обычно представлены только два типа, соответствующих а. п. *b* и а. п. *c*¹⁹. Доказательство существования а. п. *d* в этих говорах заключается в наличии существительных, относящихся в одних говорах к а. п. *b*, а в других – к *c*. Таким образом аргумент строится на допущении того, что существительные а. п. *d* могли переходить как в а. п. *b*, так и в а. п. *c*. В утрированном виде это значит, что любое существительное, демонстрирующее колебания между а. п. *b* и а. п. *c*,

¹⁸ Любопытно отметить, что в словаре того же говора, опубликованном в 2002 г., gen. sg. слова *mòst* уже *mõsta* (Moguš 2002: 78).

¹⁹ Данные описания говора Сусака 1956 года и описания говоров северо-восточной Истрии Неманича 1883 года непригодны по причинам, обозначенным Вермеером (Vermeer 2009: 134–135) и Лэнгстоном (Langston 2007: 136).

первоначально принадлежало к а. п. *d*. Это предположение весьма проблематично, поскольку не учитывает возможности, что в отдельных говорах существительные, исходно относившиеся к а. п. *c* могли (частично) перенимать акцентуацию а. п. *b* и наоборот. Такому переходу, основывающемуся на часто использующихся амбивалентных формах, было проще осуществиться в тех говорах, где произошли определённые процессы, вызвавшие вторичное совпадение двух парадигм, как то удлинение корневых гласных, оттяжки ударения или (частичная) потеря тоновых различий и т. д.

Большинство предполагаемых чакавских примеров а. п. *d* – именно из говоров, в которых локальные инновации вызвали частичное совпадение а. п. *b* и *c* (Langston 2007)²⁰. Исключением является диалект Сеня, описанный Могушем. Однако здесь окситонные формы *gen.* и *ins.sg.* типа *drobà, drobŏn* могли возникнуть под влиянием других окситонных форм в этой парадигме (Karović 2015: 173, сноска 616)²¹. Можно сделать вывод, что даже если некоторые слова в ряде южнославянских говоров в синхронном плане совмещают *nom.sg.*, содержащий гласный с долгим нисходящим ударением (или его рефлекс) с конечным ударением (или его рефлексом) в *gen.sg.* и *ins.sg.*, как в говоре Сеня, в данных нет ничего, что не могло бы быть объяснено аналогией и следовательно требовало бы реконструкции отдельной праславянской а. п. *d*.

Остаётся возможность, что некоторые из южнославянских существительных с подвижной акцентуацией сравнительно часто имеют неожиданное конечное ударение не под влиянием а. п. *b*, а скорее отражают исконную акцентуацию подвижных *и*-основ. Это более привлекательный сценарий, чем рассмотрение их в качестве рефлексов праславянской а. п. *d*, поскольку существуют независимые свиде-

²⁰ Это справедливо и для примеров а. п. *d* из Комижи и Муо, приводимых Шаллертом (Schallert 2014). Несложно найти и другие примеры неканонических рефлексов существительных мужского рода а. п. *b* или *c* в других говорах. Например, в говоре деревни Хидегшег *plôt, plôta, rög, rögi* синхронно не отличаются от а. п. *b*, ср. *völ, völa* (Houtzagers 1999). Это результат аналогического устранения долготы в *nom.sg. plôt, rög*, ср. также *nös/nôs, nösa*. Такая же аналогия затронула говор Турополя *plôt, plôta, nös, nösa, göst, gösta*, но там парадигма не совпала с а. п. *b*, ср. *völ, völa* (Šojat 1982). Схожая аналогия спорадически затронула подобные существительные в других говорах, например, в Комазини: *göst, gösta* (Vukša Nahod 2013).

²¹ Ср. в этом аспекте также переход некоторых *о*-основных существительных с подвижной акцентуацией и долгим гласным в а. п. *b* в нескольких чакавских говорах на северо-восточном побережье Истрии (Zubčić 2010: 158–159).

тельства существования подвижных *и*-основ. Если тип *drôb*, *drobà* в говоре Сеня всё же не является вторичным, он может отражать и архаизм. Из пяти существительных, относящихся к этому типу, два с высокой вероятностью являются старыми *и*-основами, а именно *môst* и *nôs*, а одно – старой *и*-основой, а именно *drôb*²². Обозначение моста также демонстрирует рефлекс парадигмы *môst, gen. sg. *mostà и т. д. в градищанском говоре Штегерсбаха (*mùos*, *most'a*; Langston 2007: 135), в новоштокавском говоре деревни Комазини (*môs*, *môsta*; Vukša Nahod 2013)²³, в словенском резьянском диалекте (*must*, *mostà*; Steenwijk 1992: 283) и, со вторичным кратким номинативом, в говорах Климна и Пуната (*möst*, *mostà*; Schallert 2014: 35). Но, конечно, это может быть объяснено аналогией к частотному локативу *mostù.

Окситонный генитив *nosà*, засвидетельствованный в Сене, по-видимому, надёжно засвидетельствован и на Сусаке (Shrager 2011: 214), но беспорядочные данные этого диалекта не позволяют сделать выводов о том, насколько легко эта форма могла возникнуть в диалекте Сусака при помощи аналогии. Другие окситонные формы этого слова были засвидетельствованы в Истрии (*nosà*), на острове Силба (nom. pl. *nosì*) (Langston 2007: 136–137) и в деревне Сали на острове Дуги-Оток (Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 234), но для того, чтобы оценить статус этих форм в соответствующих диалектах, недостаточно данных.

За пределами чакавских говоров, обсуждавшихся в работе Лэнгстона (Langston 2007), имеется ряд других существительных, колеблющихся между а.п. *b* и а.п. *c*, а именно *bok*, *stog*, *bor* и *grom* (Каровић 2015: 172, сноска 607). Слово *bok* ‘бок’ первоначально было *и*-основой, что показывает последовательное употребление генитива на *-и* в западно- и восточнославянских языках (Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 164), др.-рус. du. *бокы*, рус. с *боку на бок* и акцентуация рус. диал. ins. sg. *бокóm*. В Южной Славии мы находим слвн. *bôk*, *bôka* наряду с *bòk*, *bòka* и серб., хорв. *bòk*, gen. sg. *bòka* наряду с менее частотным *bòk*, gen. sg. *bòka*. В доступной нам выборке чакавской, кай-

²² Переход в *о*-склонение может быть сравнительно недавним. *И*-основа сохранена в некоторых градищанских говорах, в то время как в кайкавских говорах мы находим форму женского рода *droba*, сохраняющую исходный род. Если окончательное ударение сеньского *drobà*, *drobôn* действительно является архаизмом, интересно отметить, что Деанович тоже записал *drôb*, *drobà* в говорах Климна и Пуната на острове Крк и Муо на берегу Которского залива (Schallert 2014).

²³ В синхронном плане неотличимо от существительных а.п. *b* с удлинением гласного в nom. sg. перед плавным, например, *bôr*, *bôra* и *vô*, *vôla*.

кавской и штокавской диалектной литературы, в которой значительно преобладают диалекты, употребляемые на территории Хорватии, мы нашли свидетельства формы (или её эквивалентов) *bòk*, gen.sg. *bòka* в Сали (Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 162), Мостаре (Milas 1903: 95), Бачке (Sekulić 2005: 52), Церье (Šatović, Kalinski 2012: 82) и Вараждине (Lipljin 2002: 40). В Вараждине формы косвенных падежей несут новый циркумфлекс (*bòka*, *bòkof*), который предположительно был обобщён из локативных форм *bòku* и **bòkih*. Парадигма *bòk*, gen.sg. *bòka* могла возникнуть непосредственно на основе более старой подвижной парадигмы *u*-склонения, но нельзя исключать, что сперва произошло слияние с подвижным *o*-склонением и что окончание ударение было обобщено позже на основе частотного локатива **bokù*.

Существительное *stog* ‘стог’ демонстрирует те же акцентные вариации, что и *bok*: слов. *stòg* наряду со *stòg* и серб., хорв. *stòg*, gen.sg. *stòga* наряду со *stòg*, gen.sg. *stòga*. И у этого слова рефлекс а.п. *b* значительно более редки, чем рефлекс а.п. *c*. Мы обнаружили формы, позволяющие реконструировать такую парадигму в данных из Пивы и Дробняка (Vuković 1940: 188), Хорватски-Гроба (Takač 2004: 160), Колана (Oštarić 2005: 475) и Каштела (наряду со *stòg*, Baldić-Đugum 2006: 349). Ср. также *stòg*, *stòga* в деревне Студенци (Babić 2008: 428), которое в этом говоре вошло в тип *dvòr*, *dvòra* < **dvòr*, **dvòrà*, который сам по себе является результатом раннего обобщения долготы после регулярного удлинения *-o-* перед *-r* в ном.acc.sg. Нам неизвестны какие-либо аргументы в пользу того, что слово **stogъ* было *u*-основой. В южнославянских языках это существительное могло перенять некоторые окончания и акцентуацию *u*-склонения, чтобы избежать палатализации конечного велярного согласного. В некоторых говорах частотность **stogù*, возможно, вызвала обобщение окончательного ударения во всей парадигме. Это создало парадигму **stòg*, **stogà* (> Студенци *stòg*, *stòga* с обобщением долгого гласного), в которую краткий гласный корня в ном.acc.sg. легко мог попасть по аналогии с существительными вроде **gròb*. Комбинация велярного конечного согласного корня и частотного локатива могут также быть ответственными за акцентуацию *brijèg*, *brijègà* в Муо (Деанович apud Schallert 2014: 42) на месте исходного *brijèg*, *brijèga*.

У штокавского *bòr*, *bòra* есть вариант *bòr*, *bòra* (Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 165–167, Karović 2006: 164). Первый из вариантов соответствует чакавскому *bòr/bòr*, *borà*, словенскому *bòr*, *bóra* и

словацкому *bôr*. Формы *и*-склонения у этого существительного обнаруживаются в древнечешском и древнерусском (ср. Эккерт 1963: 28–36). Штокавский вариант *bôr*, *bôra* ограничен говорами, в которых гласный ном. ас. sg. *bôr* подвергся регулярному удлинению в *bôr*, что облегчило переход из а. п. *b* в а. п. *c*. То же относится к штокавскому *grôm*, *grôma* (и *grôm*, *grôma*, например в Комазине), которое, по-видимому, является младшим вариантом *grôm*, *grôma* (Вук) < *grôm, *gromà (а. п. *b*). Нет никаких доводов в пользу того, что *gromъ было общеславянской *и*-основой.

В словенском есть существительные с *-o-* в корне, которые, на первый взгляд, демонстрируют схожую вариативность в акцентуации: вышеупомянутые *bôk*, *bôka* / *bòk*, *bóka* и *stôg/stòg*, а также *glôg/glòg*, *dvôr/dvòr*, *gôzd/gòzd* и *grôzd/gròzd* (Šekli 2003: 39). Хотя аналогия, вызвавшая эти вариации, схожа с аналогиями, описанными выше, она возникла независимо. Дублеты *dvòr*, *gòzd* и, вероятно, *glòg*, которые исходно относились к а. п. *b*, возникли благодаря распространению долгого нисходящего ударения loc. sg. *gôzdu* и т. д. на всю парадигму. Схожий процесс можно наблюдать у существительных, первоначально относившихся к а. п. *a*, например, *jûg*, loc. sg. *jûgu* → *jûg* (Šekli 2003: 33). Эти существительные перешли в подвижный тип, в котором долгое нисходящее ударение корня было обобщено из форм других падежей, например, *brêg*, gen. sg. *brêga*. В случае *stôg*, *bôk* и, вероятно, *grôzd* старше вариант с долгим нисходящим ударением. Слово *grôzd* могло первоначально быть *и*-основой (Meillet 1905: 243), но основания для этого ограничены старославянским (Синайский евхологий) *гроздь* и *гроздьми* (последнее может стоять на месте *гроздьми), и кажется более вероятным, что *grôzd* первоначально было *i*-основой, ср. рус. *гроздь* и слвн. собирательное *grôzdje* < nom. pl. *grozdbje. Его акцентные варианты могут отражать разные стратегии перехода в *o*-склонение, и то же может быть верно в случае первоначальной *и*-основы *bôk/bòk*. Последнюю форму можно иначе объяснить влиянием *и*-основ, исходно принадлежавших к а. п. *b*, таких как *vôl*, nom. pl. *volôvi*, вследствие идентичной акцентуации их множественного числа, хотя в настоящее время в литературном словенском nom. pl. выглядит как *bôki*, что может быть рефлексом *и*-основного двойственного числа *boky. Что касается *stôg*, вторичный вариант *stòg*, обнаруживаемый в словаре Плетершника (Pleteršnik 1893–1894), мог возникнуть на основе амбивалентности loc. sg. *na stôgu*.

Выводы

Большинство общеславянских *и*-основ имело подвижную акцентуацию и принадлежало к а. п. *с*. *U*-основы, относящиеся к а. п. *b*, включают в себя **vьrĥь*, **volь* и **borь*²⁴. Неизвестны примеры *и*-основ а. п. *a*. Акцентуация подвижных существительных *и*-склонения частично сохранилась в восточнославянских говорах у существительных мужского рода, из которых часть отражает старые *и*-основы, а часть – старые *о*-основы. Параллелью к этому процессу является сохранение в различных славянских языках окончаний *и*-склонения, как правило распространившихся также и на некоторые исходные *о*-основы. В южнославянских языках следы старой акцентуации *и*-склонения, возможно, сохраняются в рефлексах **mostь*, **nosь* и, может быть, **bokь*, но нельзя исключать, что конечноударные формы в диалектных парадигмах этих слов возникли под влиянием аналогии к наконечному ударению в loc. sg. *-ŭ*, где оно является исконным. Реконструировать четвёртую праславянскую акцентную парадигму *d* для существительных мужского рода *о*- и *и*-склонения нет необходимости. Данные, приводимые в поддержку этой реконструкции следует трактовать скорее как следы старой подвижной акцентуации *и*-основ, а в ряде случаев как результат действия аналогии из-за совпадения *о*- и *и*-основ и совпадения части форм а. п. *b* и а. п. *с*.

* * *

Постскрипtum

Редактор данного сборника, С. Л. Николаев, после прочтения рукописи настоящей статьи задал три важных вопроса, которые отчетливо демонстрируют, в чем отличаются наши интерпретации акцентологических данных. С разрешения Сергея Львовича мы помещаем эти вопросы и наши ответы на них в качестве постскриптума к статье. Мы надеемся, что это поспособствует развитию научной полемики вокруг истории славянской именной акцентуации.

1) Почему в класс основ а. п. *d* попали такие частотные несомненные *о*-основы, как **zqьbь*, **rogь*, **vozь* и т. д., тогда как частотные *и*-основы типа **domь*, **synь*, **medь* во всех славянских ареалах устойчиво сохранили подвижность?

²⁴ Возможно, также **tьrgь* (Stang 1957: 81), если это слово действительно было *и*-основой в общеславянский период.

Слияние праславянских склонений на *-*o*- и *-*u*- привело к взаимобмену окончаниями и акцентуацией между *o*- и *u*-основами. Результаты в разных славянских диалектах отличаются друг от друга. В некоторых случаях новое распределение *o*- и *u*-окончаний или новая акцентуация возникли на основе фонотактических и семантических критериев. В данной статье мы описали лишь некоторые из них. Влияние акцентуации подвижных *u*-основ на акцентуацию *o*-основ вроде *zǫbь, *rogь и *vozь можно сравнить с введением окончаний *и*-склонения в парадигмы этих существительных в словенском: *ins. pl. zobmi, rogmí, vozmi*, *nom. pl. rogôvi, vozôvi*²⁵. Распределение введённых по аналогии *и*-окончаний в словенском ясно показывает, что отдельные слова ведут себя в этом отношении по-разному (таблица 5), что является параллелью к варьированию акцентуации, которое демонстрируют исходные *o*-основы в некоторых восточно- и южнославянских диалектах и которое возникло схожим образом.

Таблица 5. ВАРЬИРОВАНИЕ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *и*-СКЛОНЕНИЯ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В СЛОВЕНСКОМ

	исходные <i>o</i> -основы			исходные <i>u</i> -основы	
nom. pl.	<i>gradovi</i>	<i>zobje</i>	<i>vozovi</i>	<i>volovi</i>	<i>mostovi</i>
gen. pl.	<i>gradov</i>	<i>zob</i>	<i>voz</i>	<i>volov</i>	<i>mostov</i>
acc. pl.	<i>gradi/ gradove</i>	<i>zobe</i>	<i>vozove</i>	<i>voli</i>	<i>mostove</i>
ins. pl.	<i>gradovi</i>	<i>zobmi</i>	<i>vozmi</i>	<i>volmi</i>	<i>mostovi</i>

Тот факт, что рефлексы *domь, *synь, *medь сохраняют акцентуационную подвижность, является архаизмом. Эти существительные также входят в небольшую группу слов, лучше всего сохранивших окончания *и*-склонения.

²⁵ Словенская форма *nom. pl. zobjê* с окончанием *и*-склонения мужского рода возникла на основе *ins. pl. zobmi*. Нам неизвестны надёжные примеры окситонной парадигмы у этого существительного в южнославянских языках, единственное возможное исключение обнаруживается в диалекте Сусака. В широко известном описании диалекта Сусака (Hamm, Hraste, Guberina 1956) мы дважды находим *zûp, zûba* на стр. 83 и один раз на стр. 90, но *zûp, zûbâ* на стр. 106. Шрагер (Shrager 2011: 218) также даёт формы *zûp, zûba* и *zûbâ*. Окситонное ударение формы *gen. sg.*, как предположил Лэнгстон (Langston 2007: 129–132), по-видимому, возникло по аналогии к типу *kljûc, kljûcâ*.

2) Почему основы а. п. *d*, имеющие окситонезу косвенных падежей, лексически тождественны в изолированных друг от друга ареалах – псковско-полоцком, карпатоукраинском и чакавском?

Эти ареалы объединяет тот факт, что существительные мужского рода с подвижной акцентуацией отразились в славянских языках не одинаково. Выдвинутая нами гипотеза объясняет это так, что исходно было две парадигмы, совпавшие друг с другом в большинстве языков, но следы изначальной ситуации сохранились в западном восточнославянском и чакавском ареалах. В соответствии с этим объяснением следует ожидать, что значительная часть существительных с большинством окситонных форм в парадигме будет бывшими *и*-основами. Именно такую ситуацию мы и находим в восточнославянских данных. Среди лучших южнославянских примеров – предполагаемые *и*-основы, такие как **mostь*, **nosъ* и **bokъ*. Тот факт, что некоторые *о*-основы также стали ударяться по этой модели в части локальных говоров, предсказуем в свете общего слияния *о*- и *и*-основ.

Защищаемая нами гипотеза не очень далека от идеи, что в праславянском была отдельная а.п. *d*, однако важная разница заключается в том, что наше объяснение отталкивается от хорошо известных сущностей – *о*- и *и*-основ с подвижной акцентуацией – и не умножает сущностей в реконструируемом праязыке за счет введения а.п. *d* у *о*- и *и*-основ. Дополнительным преимуществом является то, что наша гипотеза объясняет, почему изначальная разница не сохранилась где-либо в неизменном виде, поскольку это отражает утрату различения окончаний между *о*- и *и*-основами.

3) Почему основы а. п. *d* лексически соответствуют индоевропейским баритонированным основам мужского рода, а основы а. п. *c* – и.е. окситонированным?

Этот вопрос относится к тем случаям, когда существительные **о*-склонения мужского рода с баритонно акцентуированными рефлексам в ведическом, греческом, балтийских и германских языках демонстрируют подвижную акцентуацию в славянских языках (Иллич-Свитыч 1963: 114–118). Этот феномен является специфически славянским, поскольку все родственные литовские существительные исходно принадлежали к а.п. 2, а затем произошёл собственно литовский переход в а.п. 4, характерный для многих диалектов (Иллич-Свитыч 1963: 31–37): *brādas*, *rāgas*, *žam̃bas*, *gařdas*, *sniēgas*, *vāškas* (во всех случаях а.п. 2 > 4) ~ хорв. *brōd*, *rōg*, *zūb*, *grād*, *snijeg*, *vōsak*

(gen. *võska*). Поскольку слово **vьrxъ* ‘верх’ не получило подвижной акцентуации в праславянском (Stang 1957: 81, ср. лит. *viršùs* (2 > 4)), вторичная подвижность существительных мужского рода ограничена **o*-склонением. Иллич-Свитыч объяснял это как результат постпрабалтославянского перехода изначально баритонных *o*-основ в подвижную парадигму в результате действия аналогии (1963: 119). Нам это объяснение кажется убедительным, кроме того, в определённой мере оно сопоставимо с тем же процессом в случае литовских примеров. Иллич-Свитыч также предположил, что следы исходной баритонности этих *o*-основ могут сохраняться в неких славянских диалектах. Данное предположение послужило основой для гипотезы, согласно которой эти существительные в праславянском принадлежали к отдельной а.п. *d*. В настоящей статье доказывается, что подобные случаи могут быть объяснены как результат постпраславянского слияния **o*- и **u*-склонений. То, что в некоторых случаях этот процесс затронул изначально баритонные *o*-основы, перешедшие в славянских языках в разряд подвижных, вполне ожидаемо. Из данных не следует, что эти слова составляют отдельный акцентуационный класс, отличный от прочих *o*- и *u*-основ.

Перевод с английского М. Н. Саенко

ЛИТЕРАТУРА

- Булатова, Дыбо, Николаев 1988 – *Р. В. Булатова, В. А. Дыбо, С. Л. Николаев*. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31–66.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 – *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993 – *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.
- Зализняк 1985 – *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2004 – *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2011 – *А. А. Зализняк*. Труды по акцентологии. Том II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- Иллич-Свитыч 1963 – *В. М. Иллич-Свитыч*. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

- Николаев 2012 – *С.Л. Николаев*. Восточнославянские рефлексy акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Вып. 2. М., 2012. С. 32–189.
- Николаев, Хелимский 1990 – *С.Л. Николаев, Е.А. Хелимский*. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: *-a* и *-i* в рефлексax имён мужского рода // *Uralo-Indogermanica*: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. Т. 1. М., 1990. С. 41–43.
- Срезневский 1912 – *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том III: Р-Я и дополнения. СПб., 1912.
- Шахматов 1941 – *А.А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
- Эккерт 1963 – *Р. Эккерт*. Основы на *-й-* в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. 27. М., 1963. С. 3–133.
- Babić 2008 – *I. Babić*. Studenački rječnik. Studenci, 2008.
- Baldić-Đugum 2006 – *R. Baldić-Đugum*. Beside kaštelanske. Kaštela, 2006.
- Diels 1932 – *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik. I. Teil: Grammatik. Heidelberg, 1932.
- Gebauer 1896 – *J. Gebauer*. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. Praha; Wien, 1896.
- Hamm, Hraste, Guberina 1956 – *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina*. Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 1. Zagreb, 1956. S. 5–213.
- Houtzagers 1999 – *P. Houtzagers*. The Kajkavian dialect of Hidegség and Fertőhomok. Amsterdam, 1999.
- Hujer 1910 – *O. Hujer*. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910.
- Janda 1996a – *L. A. Janda*. Figure, ground, and animacy in Slavic declension // The Slavic and East European Journal. Vol. 40/2. 1996. P. 325–355.
- Janda 1996b – *L. A. Janda*. Back from the brink: a study of how relic forms in languages serve as source material for analogical extension. München, 1996.
- Kapović 2006 – *M. Kapović*. Naglasne paradigme *o-*osnová mužskoga roda u hrvatskom // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Vol. 32/1. 2006. S. 159–172.
- Kapović 2015 – *M. Kapović*. Povijest hrvatske akcentuacije: fonetika. Zagreb, 2015.
- Kortlandt 2007 – *F. Kortlandt*. Miscellaneous remarks on Balto-Slavic accentuation // Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Zagreb, 2007. P. 229–235.
- Kortlandt 2011 – *F. Kortlandt*. Selected Writings on Slavic and General Linguistics. Amsterdam, 2011.
- Kortlandt 2021 – *F. Kortlandt*. New Indo-European and Balto-Slavic Studies. Düren, 2021.
- Krys'ko 2014 – *V. B. Krys'ko*. Entstehung Der Kategorie der Belebtheit/Personalität // Die slavischen Sprachen. Bd. 2. Berlin, 2014. S. 1596–1605.
- Langston 2007 – *K. Langston*. Common Slavic Accentual Paradigm (d): A reevaluation of evidence from Čakavian // Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Zagreb, 2007. P. 121–150.

- Lipljin 2002 – *T. Lipljin*. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2002.
- Lukežić, Zubčić 2007 – *I. Lukežić, S. Zubčić*. Grobnički govor XX. stoljeća, Rijeka, 2007.
- Meillet 1905 – *A. Meillet*. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Partie II: Formation des noms. Paris, 1905.
- Mikkola 1894 – *J. J. Mikkola*. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I: Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen. Helsinki, 1894.
- Milas 1903 – *M. Milas*/ Današnji mostarski dijalekat // Rad JAZU. Knj. 153. 1903. S. 47–97.
- Moguš 1966 – *M. Moguš*. Današnji senjski govor // Senjski zbornik. God. II. 1966. S. 5–152.
- Moguš 2002 – *M. Moguš*. Senjski rječnik. Zagreb; Senj, 2002.
- Nachtigall 1922 – *R. Nachtigall*. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I: Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
- Nahtigal 1952 – *R. Nahtigal*. Slovanski jeziki. Druga, popravljena in pomnožena izdaja. Ljubljana, 1952.
- Olander 2012 – *T. Olander*. Proto-Indo-European *-os in Slavic // Russian Linguistics. Vol. 36/3. 2012. P. 319–341.
- Orr 1996 – *R. Orr*. Again the *ŭ-Stems in Common Slavic // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 4/2. 1996. P. 312–343.
- Oštarić 2005 – *I. Oštarić*. Rječnik kolanjskoga govora ili Ričnik mista Kolana na otoku Pagu. Zadar, 2005.
- Pleteršnik 1893–1894 – *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1893–1894.
- Ramovš 1952 – *F. Ramovš*. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952.
- Schallert 2014 – *J. Schallert*. The historical accentuation of masculine nouns in Čakavian and Štokavian Dalmatian dialects in light of Deanović's // Lingvistički atlas Mediterana. Slavia Centralis. Letn. 7. Št. 2. 2014. P. 30–48.
- Sekulić 2005 – *A. Sekulić*. Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb, 2005.
- Shrager 2007 – *M.-M. Shrager*. The accentuation of masculine nouns in Northwest Russian Dialects // Tones and Theories: proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Zagreb, 2007. P. 151–169.
- Shrager 2011 – *M.-M. Shrager*. Accentuation of masculine monosyllabic nouns of Susak speakers in New Jersey // Baltistica, 2011. 7 priedas. VI tarptautinio baltų ir slavų kalbų akcentologijos seminaro straipsnių rinkinys. P. 207–225.
- Stang 1957 – *Ch. S. Stang*. Slavonic accentuation. Oslo; Bergen; Tromsø, 1957.
- Stang 1964 – *Ch. S. Stang*. De l'instrumental singulier des thèmes en -o- en slave commun // Revue des études slaves. T. 40. 1964. P. 191–194.
- Steenwijk 1992 – *H. Steenwijk*. The Slovene dialect of Resia: San Giorgio. Amsterdam; Atlanta, 1992.
- Šatović, Kalinski 2012 – *F. Šatović, I. Kalinski*. Rječnik hrvatskoga kajkavskoga prigorskoga govora zagrebečkoga Čerja. Zagreb, 2012.
- Šekli 2003 – *M. Šekli*. Odrzi praslavovskih oblikotvornih naglasnih tipov samostalnikov moške o-jevske sklanjatve v (knjižni) slovenščini // Jezikoslovni zapiski. Letn. 9. Št. 2. 2003. S. 29–50.
- Šojat 1982 – *A. Šojat*. Turopoljski govori // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6. Zagreb, 1982. S. 317–493.
- Takač 2004 – *F. Takač*. Rječnik sela Hrvatski Grob. Zagreb, 2004.

- Vaillant 1974 – *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV: La formation des noms. Paris, 1974.
- Vermeer 1991 – *W. Vermeer*. The mysterious North Russian nominative singular ending *-e* and the problem of the reflex of Proto-Indo-European **-os* in Slavic // *Die Welt der Slaven*. Vol. 36/1–2. 1991. P. 271–295.
- Vermeer 1994 – *W. Vermeer*. On explaining why the Early North Russian nominative singular in *-e* does not palatalize stem-final velars // *Russian Linguistics*. Vol. 18/2. 1994. P. 145–157.
- Vermeer 2009 – *W. Vermeer*. Critical observations on the “modus operandi” of the Moscow Accentological School // *W. Lehfeldt*. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. Mit einem Appendix von Willem Vermeer. 3rd edition. München, 2009. S. 129–159.
- Vermeer 2015 – *W. Vermeer*. Dabragezas and friends: a celebratory note on 6th-century Slavic. Электронный ресурс. URL: inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Vermeer.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
- Vuković 1940 – *J. Vuković*. Akcenat govora Pive i Drobnjaka // *Srpski dijalektološki zbornik*. Knj. 10. Beograd, 1940. S. 185–223.
- Vukša Nahod 2013 – *P. Vukša Nahod*. The accent of masculine *o*-stems in the dialect of Komazini // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Vol. 39/1. 2013. S. 175–186.
- Zubčić 2010 – *S. Zubčić*. Akcenatski tip *c* imenica muškoga roda u sjeverozapadnim čakavskim govorima // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 16. Zagreb, 2010. P. 157–170.

Tijmen Pronk

Leiden University, The Netherlands

Slavic *u*-stem nouns and their accentuation

The Indo-European *u*-stem nouns merged almost completely with the *o*-stems in all Slavic languages. In every Slavic language, their combined paradigm shows traces of both original sets of endings. The merger of the two paradigms began before the earliest attestations of Slavic, but the attested evidence allows us to determine that the paradigms must have been distinct in late Common Slavic. The original distribution between *u*- and *o*-stems was blurred when they started to merge. The endings were redistributed on the basis of phonological and semantic criteria. In this paper it is argued that a similar process took place in the accentuation of masculine *o*- and *u*-stems in Slavic. The accentual phenomena discussed here have alternatively been explained as reflexes of a Proto-Slavic accentual pattern referred to as accent paradigm *d*.